

Коме. правд. - 1992. - 1 февр. - С. 6.

НЕИЗВЕСТНОЕ КИНО

Чайник на фоне Параджанова

СКОЛЬКО раз, перебирая фотографии Игоря Гневашева для «Неизвестного кино», я опасливо откладывал в сторону эту, совершенно необычную фотографию: задумчивый Сергей Параджанов и чайник, мозолящий глаза на переднем плане, — случайность, схваченная затвором фотоаппарата?

Нет, я уже понимал тогда, что у Гневашева таких случайностей не бывает, чайник — символ, но чего? Я этого не спрашивал, потому что тогда бы пришлось о Параджанове писать, а я его не понимал.

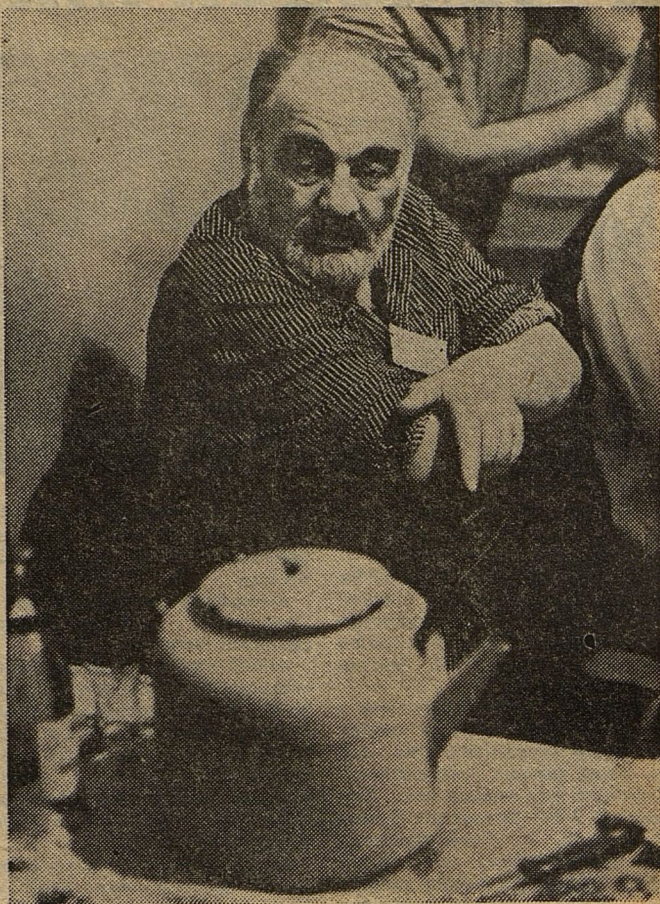
Когда же я наконец созрел и спросил у Игоря про чайник, оказалось, что чайник этот — вызов и насмешка таких, как я, непонимающих. А дело было так...

— Однажды на Бакинском кинофестивале, — начал рассказ Гневашев, — мне встретился корреспондент-югослав из «Политики», и был он очень возбужден: «Слушай, мне страшно повезло, я договорился с Параджановым о приватной беседе, один на один, поедем вместе? Сделаешь мне фотографии?»

Я согласился. Нам дали машину. Я ехал и думал о Параджанове. Вся эта шумиха вокруг него и его фильмов меня раздражала, казалась модой: говорили, что он сидел, его имя было окружено легендами и слухами, и узнать правду о нем было практически невозможно. К тому же я видел, что большинство превозносящих его критиков ни уха ни рыла в кино не смыслят, они понимают текст, диалог, сюжет, но кино — это изображение — они и ахают на его фильмах потому, что ничего не понимают. Мне же ахать не хотелось.

Мы приехали на край города, в темнотищу, к облупленной вонючей гостинице, где можно было снимать «Сталкера» или Хичкока, постучали в дверь, ее открыли.

В одноместном номере сидело по стеночкам человек тридцать: поляки, американец, Кира Муратова, режиссеры и актрисы, кто-то снимал видеокамерой, посреди пола на газете стояли бутылки, фрукты. Параджанов сидел, словно гуру среди учеников. Югослав мой обалдел от такой «приватной беседы», ему поднесли стакан, и больше я его не видел.

Мною владела веселая злость, и когда я увидел этот чайник, то понял: то, что мне нужно для съемок Мэтра. Я взял его вроде бы налить воды и поставил именно там, где было необходимо. Но пока я делал все это, пока осваивался и готовился, я улавливал разговоры вокруг, и злость моя постепенно сменялась симпатией к хозяину номера:

— Я вас официально приглашаю в Техас, к себе на rancho, — говорил американец. — Там вы можете творить, и у вас будут все условия.

— У вас так скучно! Приезжайте лучше ко мне в Тбилиси, я вам за девять дней устрою академию жизни и искусства, — отвечал Параджанов. — Я был в Голландии, там в каждом туалете кнопки, которые делают любой запах: сирени, сакуры, сандала — ну сколько это можно выдерживать? Никаких реалий, а ведь дерьмо оно и есть дерьмо...

Да, устраивать «академию жизни и искусства» Сергей Параджанов умел, как никто другой. Уже тогда я слышал, что весь пол номера Высоцкого и Влади он выложил мозаикой из фруктов, что, получив

на каком-то международном фестивале валютный приз, раздал его окружающим только затем, чтобы не сдавать его в кассу Госкино, как это было тогда заведено; что Редфорда, его гостя, встречали в Тбилиси фейерверки, раженье, стрельба, танцующие медведи и вино — он вовсе не был богат, но был всемогущ друзьями.

Но в тот вечер я снимал так, как мне хотелось.

ЧЕРЕЗ полгода мы с Андреем Зорким прилетели в Тбилиси на сдачу «Ашик-Кериба». Просмотр проходил без автора, на грузинском языке, и, на мое счастье, сидящий рядом парень, ленинградец, член режиссерской группы фильма, предложил помощь: кратко пересказывать суть происходящего.

Свет погас. Прошло минут десять, но я и не вспомнил о своем обычном желании уйти, я смутно слышал голос парня и весь был там, на экране: в его коротких фразах словно бы заключался некий код к фильму, я вдруг понял, что Параджанов пользуется символикой не общечеловеческой, понятной, а своей, он сам придумал этот язык, это его мир, в котором он жи-

вет, — мне стало все ясно и интересно, я смеялся и замирал от страха...

В тот же день я приехал в дом Параджанова и понял его окончательно — он колдун, он живет в особом мире, в своем государстве, и, куда бы он ни шел, даже на соседнюю улицу, это государство идет вместе с ним.

Гневашев дает мне большую лупу и цветные слайды. Описать увиденное очень трудно — стены, разрисованные реалиями, создающими фантастические картины, вмурованные бутылки, немыслимые икебаны из висячих замков, плетеных спинок стульев, растений, головоломные мозаики из чего угодно — полноводье художественного сумбура, граничащего кое-где с кичем, но сумбур этот особенный, стоит повнимательнее в него взглянуть, как он распадается на совершенно замечательные по красоте детали...

— Мы говорили с Параджановым, я снимал и краем глаза видел, как он вдруг морщился, закрывал от боли глаза, потом извинялся, уходил в соседнюю комнату и вкалывал себе прямо через рубашку шприц — все знали, что он смертельно болен.

«Когда вы уезжаете в Москву?» — «Завтра утром» — «Передадите от меня подарок Любимову? Я ребят в гостиницу подошлю».

Поздно вечером два амбала ждали нас на ступеньках: «Это вы московские журналисты?» «Да», — мы немного стухнули. «Параджанов просил передать», — кряхтя, они вытащили из багажника обернутый в бумагу цилиндр высотой по пояс и весом килограммов сорок. На его крышке опять была мозаика, в центре которой красовалась финская купюра. «Что здесь?» — ахнули мы. «Вино».

Какой там подарок? Наш груз давно превышал всякие допустимые нормы, но когда мы утром проснулись, чудеса пошли одно за другим: первый же появившийся нам шофер переспросил: «От Параджанова? Любимову? Поехали». В аэропорту, стоило нам сказать два слова, мы проходили все насквозь, как будто никого вокруг не было: «Подарок Параджанова».

...Перед смертью он всем подряд дарил свои идеи.

— Вы думаете, эти люди смогут их осуществить? — спросили его.

— Но я уже не смогу. Всю жизнь я собирал камни. Пришла пора их разбрасывать.

Выпуск подготовили
Юрий ГЕЙКО и
Игорь ГНЕВАШЕВ.